

ЭРИКА
ЙОХАНСЕН

ЗАВОЕВАНИЕ ТИРМИНГА

Роман

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

У каждого ребенка должен быть свой Барти.

Моему отцу, Курту Йохансену

КНИГА I

Глава 1

ХОЛЛ

Второе Мортийское Вторжение грозило стать побоищем. На одной чаше весов стояла численно превосходящая мортийская армия, вооруженная лучшим оружием Нового Мира, под командованием упрямейшего человека. На другой — тирская армия, вчетверо меньше, вооруженная дешевым кованным оружием, крошащимся при столкновении с доброй сталью. Шансы были ничтожны. Казалось, Тирлингу не избежать катастрофы.

Мученик Кэллоу, «Тирлинг как военная держава».

На мортийской границе быстро рассвело. Мгновение назад на горизонте не просматривалось ничего, кроме туманной голубой линии, и вот уже яркие полосы потянулись вверх от восточного Мортмина, заливая небо. Лучезарное отражение расползлось по озеру Карчмар, пока поверхность не запылала огнем; наваждение исчезло, только когда легкий ветерок лизнул берег, и водная гладь пошла волнами.

В этом краю с мортийской границей все было непросто. Никто точно не знал, где проходит линия раздела. Мортмин утверждал, что озеро находится на мортийской территории, но и Тир не отказывался от претензий на воду, поскольку, если уж на то пошло, озеро открыл видный тирский исследователь по имени Мартин Карчмар. Карчмар упокоился почти три века тому назад, но Тирлинг так и не отрекся от своих притязаний на озеро. Сама по себе вода не представляла ценности — хищная рыба, во-

дившаяся в ней, едва ли годилась в пищу, но озеро было единственным приграничным ориентиром на несколько миль к северу и югу. Оба королевства постоянно старались окончательно утвердить его статус. Однажды, давным-давно, ходили разговоры о заключении договора, но ничего так и не вышло. На восточном и южном берегах озера залегли солончаки, где чередовались полосы мокрого ила и болотных зарослей. Эти равнины тянулись на несколько миль к востоку, а затем переходили в леса из мортигской сосны. Но на западном берегу озера Карчмар солончаки занимали всего несколько сотен футов, а затем резко вздымались Пограничные холмы, крутые склоны которых покрывал густой сосняк. Деревья поднимались на Холмы, перетекали через них, спускаясь на другой стороне к Тирлингу, и сходили на нет к северной Алмонтской равнине.

Хотя крутые восточные склоны Пограничных холмов покрывал необитаемый лес, вершины холмов и западные склоны были усеяны крошечными тирскими деревушками. Жители их занимались собирательством в Алмонте, но в основном разводили скот — овец и коз — и заготавливали шерсть, молоко и баранину, торгуя по большей части друг с другом. Иногда, сбившись в группы и позаботившись о надежной охране, они отправлялись в Новый Лондон, где товары — особенно шерсть — высоко ценили и расплачивались не только бартером, но и звонкой монетой. Деревеньки, раскинувшиеся на склоне — Вудэнд, Идилуайлд, Склон Девина, Гриффен — служили легкой добычей. Их жители были вооружены лишь деревянным оружием и обременены скотом, который не желали бросать.

Полковник Холл удивлялся, как можно так сильно любить клочок земли и при этом благодарить всемогущего Господа, что живешь вдали от него. Холл, сын овцевода, вырос в Идилуайлде, и запах этих деревень — мокрая шерсть, спекшаяся с навозом, — так въелся в память, что он чувствовал его даже сейчас, хотя ближайшее поселе-

ние находилось на западном склоне Пограничных холмов, в нескольких милях отсюда и вне поля зрения.

Судьба увела Холла из Идилуайлда. Не сказать, чтобы счастливая, скорее сомнительная: из тех, что одной рукой дают, а другой втыкают нож в спину. Их деревня находилась слишком далеко на севере, чтобы сильно пострадать от первого Мортийского вторжения: однажды ночью разбойничий отряд забрал несколько овец из неохраняемого загона, вот и все. Когда было подписано мортийское соглашение, Идилуайлд и соседние деревушки устроили праздник. Холл с братом-близнецом Саймоном так надрались, что проснулись в свинарнике в деревушке Склон Девина. Отец тогда сказал, что их деревня легко отделалась, и Холл тоже так думал, а потом, восемь месяцев спустя, Саймон попал во вторую государственную лотерею. Холлу и Саймону было пятнадцать и они уже считались мужчинами, но родители позабыли об этом на следующие три недели. Мать готовила любимую еду Саймона, отец освободил обоих от работы. Ближе к концу месяца они отправились в Новый Лондон, как и многие другие семьи. Отец всхлипывал в передней части повозки, мать, нахмурившись, молчала, а Холл с Саймоном изо всех сил старались изображать присутствие духа.

Родители не хотели, чтобы Холл стал свидетелем отправки. Они оставили его в пабе на Большом бульваре, вручив три фунта и наказав никуда не уходить, пока не вернется. Но Холл не был ребенком: он вышел из паба и пошел за ними к Цитадели. Отец упал в обморок незадолго до отправки, мать пыталась привести его в чувства, поэтому, в конце концов, один лишь Холл стал свидетелем отправки. Один лишь Холл видел, как Саймон растворился в городе и покинул их навсегда.

Той ночью семья осталась в Новом Лондоне, в одном из захудалых трактиров, которые предлагала Кишка. В конце концов, ужасный запах выгнал Холла на улицу, и он бродил по Кишке в поисках лошади, решив последовать за клетками по Мортийской трассе, чтобы освободить Саймона или умереть. Возле одного из пабов он

нашел лошадь и как раз пытался распутать сложный узел, когда ему на плечо опустилась чья-то рука.

— Ты что творишь, деревенский крысеныш?

Мужчина был настоящим великаном, выше отца Холла, вооруженным и облаченным в доспехи. Холл подумал, что ему недолго осталось коптить небо, и какая-то его часть даже обрадовалась.

— Мне нужна лошадь.

Мужчина пристально поглядел на него.

— Кого-то отправили?

— Не ваше дело.

— Еще как мое. Лошадь-то моя.

Холл вытащил нож для разделки бараньих туш, надеясь, что незнакомец не разбирается в оружии.

— У меня нет времени спорить. Мне нужна лошадь.

— Убери это, мальчишка, и не глупи. Груз охраняет восьмерка Кейдена. Уверен, ты слышал о Кейдене даже в своей дыре. Им твой ножик — на один зубок.

Незнакомец взял лошадь под уздцы, но Холл поднял нож, преграждая ему путь.

— Не хочется опускаться до воровства, но я спешу.

Незнакомец посмотрел на него долгим оценивающим взглядом.

— Что ж, бери. Парень ты, вижу, правильный. Фермер?

— Пастух.

Незнакомец еще мгновение его поизучал, а потом сказал:

— Хорошо, парень. Вот как мы поступим. Я *одолжу* тебе своего коня. У него весьма говорящее имя — Прок. Ты поскачешь на нем по Мортийской трассе и посмотришь на этот груз. Если не дурак, поймешь, что у тебя нет ни единого шанса, и тогда останется два варианта. Или умереть без толку, или развернуть коня и доскакать до моей казармы в Уэллсе, и там мы поговорим о твоём будущем.

— О каком еще будущем?

— О жизни солдата, парень. Если конечно, ты не намерен провести всю оставшуюся жизнь по уши в овечьем дерьме.

Холл неуверенно посмотрел на незнакомца, силясь понять, в чем тут подвох.

— А что, если я просто ускачу на вашей лошади?

— Не ускачешь. Тебе не чуждо чувство долга — иначе ты никогда бы не впутался в эту глупую затею. И потом, на случай, если придется отправиться за тобой, у меня есть целая армия лошадей.

Незнакомец повернулся и отправился обратно в паб, оставив Холла у коновязи.

— Кто вы? — крикнул Холл ему вслед.

— Майор Бермонд с Правого Фронта. Скачи быстрее, парень. И если с моей лошадей что-то случится, я спущу с тебя твою жалкую овцелюбивую шкуру.

Проскакав всю ночь, Холл догнал груз и убедился, что Бермонд был прав: это была настоящая крепость. Солдаты обступали каждую клетку, тут и там в их рядах краснели мантии наемников Кейдена. У Холла не было меча, но и меч — он это прекрасно понимал — ему бы тут не помог. Он не мог даже подойти поближе, чтобы найти Саймона: когда парень попытался приблизиться к клеткам, один из наемников Кейдена выпустил стрелу, промахнувшись не более чем на фут. Все было, как говорил майор.

Однако он продумал нападение на поставку и то, как все закончится: ужасное будущее, которое он учуял уже во время поездки в Новый Лондон, будущее, в котором его родители смотрели на него и видели только Саймона. Лицо Холла станет для них не утешением, а лишь ужасным напоминанием. Он натянул поводья, готовясь напасть, но тут случилось нечто, чего он не мог объяснить: сквозь кучу плотно набитых пленников в шестой клетке он вдруг заметил Саймона. Клетки находились слишком далеко от Холла, чтобы что-либо разглядеть, но он видел лицо брата. Свое собственное лицо. Если он предпримет самоубийственную атаку, от Саймона ничего не

останется, даже могилы. И тогда Холл понял, что дело было не в Саймоне, а в его собственном чувстве вины, его собственном горе. Эгоизм и самоуничтожение, как часто случается, шли рука об руку.

Холл повернул коня, вернулся в Новый Лондон и присоединился к тирской армии. Майор Бермонд стал его попечителем, и хотя Бермонд никогда не признавался в этом, Холл думал, что майор, должно быть, с кем-то сговорился, потому что даже пока Холл служил рядовым в пехоте, его никогда не ставили конвоировать рекрутов. Каждый месяц он отправлял часть своего заработка домой, и во время редких поездок в Идилуайлд родители удивляли его тем, что грубовато гордились сыном-солдатом. Он стремительно взлетел по карьерной лестнице, став старшим помощником генерала в тридцать один год. Работа была неблагодарной: солдатская жизнь под регентством заключалась в том, чтобы разнимать драки и охотиться на мелких преступников. Воинской славы ему было не снискать. Но...

— Сэр.

Холл поднял глаза и увидел лейтенанта-полковника Блазера, своего заместителя.

— Что такое?

— Майор Кэффри подает сигнал, сэр, по вашему приказу.

— Еще пару минут.

Они двое сидели на сторожевой вышке на восточном склоне Пограничных холмов. Батальон Холла стоял здесь уже несколько недель, неустанно работая и одновременно наблюдая за темной массой, ползущей через мортийские равнины. Огромный размер мортийской армии тормозил ее продвижение, но она все равно пришла и теперь раскинула лагерь вдоль всего южного берега озера Карчмар — черный город, занимавший полгоризонта.

В подзорную трубу Холл видел всего четверых часовых, стоящих по западному краю мортийского лагеря. Они оделись так, чтобы слиться с темными илистыми солончаками, но Холл слишком хорошо знал берега этого

озера, чтобы пропустить их в занимающемся рассвете. Двое даже не охраняли лагерь, задремав прямо на посту. Мортийцы беспечно отдыхали, как и следовало ожидать. В рапортах Булавы говорилось, что мортийская армия насчитывает более двадцати тысяч, а их мечи и доспехи сделаны из отличного железа с наконечниками из стали. Армия Тира была слаба по любым меркам. Вина отчасти лежала на Бермонде. Холл любил старика, как отца, но Бермонд слишком уж привык к мирной жизни. Он объезжал Тирлинг, словно фермер, проверяющий свои земли, а не как командир армии. Тирская армия была не готова к войне, но она уже стояла на пороге.

Внимание Холла вернулось, как часто случалось за последние недели, к пушкам, стоявшим в хорошо укрепленной зоне прямо в центре мортийского лагеря. Пока Холл не увидел их своими глазами, он не верил Королеве, хотя и не сомневался, что у нее было свое видение ситуации. Но теперь, когда на востоке посветлело и заблестели очертания гладких железных чудовищ, Холл почувствовал, как желудок привычно скрутило от ярости. Как и всякому человеку, ему было спокойнее с мечом в руке, но что может меч против пушек? Мортийцы пытались нарушить правила ведения войны, известные Холлу с детства.

— Отлично, — пробормотал он, убирая подозрную трубу и не подозревая, что говорит вслух. — Значит, и нам можно.

Он спустился по лестнице, Блазер последовал за ним, спрыгнув за десять футов до земли, прежде чем они начали взбираться на холм. За минувшие двенадцать часов Холл бесшумно разместил более семисотлучников и пехотинцев по восточным склонам. Но после нескольких недель тяжелой физической работы его людям оказалось нелегко сохранять спокойствие и просто лежать в засаде, особенно в темноте. Но если мортийцы заметят какое-то движение на склоне, они тут же насторожатся, поэтому практически всю ночь Холл переходил от поста к посту,